

Ноги Ху Цзявэя словно вросли в землю – он застыл, не в силах пошевелиться, а его приспешники, видя такое замешательство господина, тоже не решались действовать опрометчиво.

Вокруг собралось слишком много зевак. Гости, расположившиеся на вторых этажах окрестных лавочек и винных погребков, один за другим повысовывались из окон, чтобы получше рассмотреть происходящее внизу. В толпе поднялся многоголосый шум: в конце концов, кто в городе Янчжоу не знал Ху Цзявэя!

Когда этот тип только появился здесь, он, пользуясь тем, что был шурином префекта, вел себя крайне нагло: творил бесчинства, притеснял слабых и с легкостью попирали закон. Сейчас же, видя, что он преследует человека посреди оживленной улицы, но при этом почему-то не решается пустить в ход кулаки, все вокруг гадали, что же такого произошло.

Сяо Синхань прищурился, глядя на него с холодным безразличием:

- Всего лишь случайно пролил вино, а ты уже кричишь, что убьешь и с живого кожу сдерешь. Неужели в твоих глазах совсем нет закона?

Его голос звучал спокойно и ровно, но от этих слов Ху Цзявэя даже в разгар знойного летнего дня внезапно бросило в холодный пот.

Ли Юфу указал на Ху Цзявэя и строго отчитал его:

- Я тебя помню. Ты шурином господина префекта, неудивительно, что у тебя такой спесивый тон!

Ху Цзявэй прекрасно понимал, что влип в серьезные неприятности, но на глазах у стольких людей не мог заставить себя просить о пощаде. Столько людей смотрят – как он потом будет жить в Янчжоу, если проявит слабость?

Сяо Синхань даже префекта Янчжоу ни во что не ставил, не говоря уже о таком ничтожестве, как Ху Цзявэй. Обняв Гу Яньлина за талию, Сяо Синхань увел его прочь с этой шумной улицы.

Чан Фэн и Ли Юфу, следуя за ними, даже не удостоили Ху Цзявэя взглядом.

Когда они окончательно скрылись из виду, Ху Цзявэй в ярости опрокинул стоявший рядом прилавок. Он был вне себя от злости, но в глубине души понимал: на этом дело не закончится. Охваченный нарастающей паникой, он не знал, что предпринять. Тот «Маленький черный вьюн» явно искал повод для ссоры, и, скорее всего, его подговорил этот высокопоставленный господин. Нужно немедленно вернуться и рассказать обо всем зятю.

-

Отойдя подальше от шумных улиц, Гу Яньлин разжал руки, которыми обнимал Сяо Синханя за пояс:

- Господин, вы вот так просто его отпустили? Даже не проучили как следует ради меня?

Сяо Синхань опустил взгляд на него и безразлично произнес:

- И как, по-твоему, я должен был его проучить? Тоже содрать с него кожу?

Услышав это, Гу Яньлин встряхнул рукавами и возмущенно воскликнул:

- Даже если бьешь собаку, нужно смотреть, кто ее хозяин! Он обидел меня - значит, обидел и вас, господин! Разве вы не должны были выступить и хорошенько его проучить? Этот тип, прикрываясь властью префекта, каждый день творит беззаконие, и сегодняшний случай - далеко не первый!

Сяо Синхань услышал, что Гу Яньлин в порыве гнева даже его самого начал отчитывать. Подумав, что у того с этим человеком имеются давние счеты, он притянул его к себе:

- Если хотел, чтобы я помог тебе его проучить, так бы и сказал. К чему было устраивать этот спектакль? - он сделал паузу и добавил: - А если бы ты поранился?

Гу Яньлин подумал про себя, что этого недостаточно. Его цель вовсе не заключалась в том, чтобы Сяо Синхань просто проучил Ху Цзявэя. Он фыркнул:

- Если бы я попросил вас помочь, вы бы стали это делать? Он ведь шурин префекта, у него за спиной такая поддержка! Разве вы не слышали, что он говорил о том, кто здесь главный?

Сяо Синхань лишь холодно усмехнулся.

Вернувшись в резиденцию, Сяо Синхань сел в переднем зале и посмотрел на Гу Яньлина, который все еще пребывал в гневе:

- Рассказывай, чем он тебя так задел?

Гу Яньлин стоял в стороне, скрестив руки на груди, и принял вид праведника:

- Мне просто противно на него смотреть. Господин, вы могли бы приказать брату Чан Фэну разузнать, сколько злодеяний этот тип совершил за последнее время. Такого человека и сто раз убить - не будет грехом! Я лишь вершу правосудие, а не свожу личные счёты, как вы подумали!

Чан Фэн, услышав свое имя, ответил:

- Подчиненный действительно кое-что разузнал. Этот тип, пользуясь тем, что он шурином префекта Янчжоу, ведет себя крайне нагло, и народ только и делает, что жалуется на него.

Гу Яньлин понимал, что одних этих жалоб хватит лишь на то, чтобы слегка проучить Ху Цзявэя. Пока продажный чиновник не будет свергнут, на его место появится второй такой же. Поэтому он сделал вид, что невзначай добавил:

- О его злодеяниях можно рассказывать три дня и три ночи. Он не только притесняет людей, я слышал, что он торгует контрабандной солью, присваивает серебро, выделенное на помощь пострадавшим от бедствий, и даже торгует государственными должностями, - сказав это, он налил себе чаю и сделал глоток, чтобы скрыть легкое волнение.

Как только эти слова прозвучали, в зале воцарилась тяжелая тишина.

Чан Фэн и Ли Юфу подсознательно посмотрели на наследного принца, но выражение лица Сяо Синханя осталось неизменным.

Чан Фэн серьезно произнес:

- Юаньбао, такие вещи нельзя говорить просто так.

В конце концов, притеснение людей и тирания - это одно, а торговля солью, хищение государственных средств и продажа должностей - совсем другое. Последнее уже не являлось делом одного лишь Ху Цзявэя.

Гу Яньлин скривил губы, делая вид, что не понимает всей серьезности ситуации:

- Я не болтаю попусту. Если не верите - проверьте, и сами все узнаете.

Чан Фэн снова посмотрел на наследного принца.

Сяо Синхань поставил чашку на стол и спокойно сказал:

- Проверьте тайно. Не спугните змею.

Чан Фэн ответил:

- Слушаюсь.

Гу Яньлин только этого и ждал. Он уже хотел было что-то сказать, как в этот момент снаружи вошел маленький евнух и доложил:

- Господин, префект Янчжоу пришел с визитом. Хочет встретиться с вами, говорит, что желает принести извинения.

Все присутствующие понимали, что Лю Цинсун примчался сюда в такой спешке именно из-за сегодняшнего инцидента с Ху Цзявэем. В обычное время Сяо Синхань не стал бы его принимать, но сейчас он взглянул на Гу Яньлина и распорядился:

- Проводите его в главный зал, пусть ждет.

Гу Яньлин встретился взглядом с Сяо Синханем и жалобно захлопал глазами:

- Господин, префект пришел из-за своего шурина? Вы должны защитить Юаньбао!

Сяо Синхань промолчал, лишь внимательно и пытливо глядя на Гу Яньлина.

Гу Яньлин надул губы, изображая крайнее недовольство:

- Почему вы так на меня смотрите, господин? Неужели не хотите заступиться за Юаньбао?

Сяо Синхань ответил:

- Нет.

Гу Яньлин не осмелился переигрывать, боясь, что Сяо Синхань раскусит его истинные намерения. Он налил Сяо Синханю чаю и жалобно проговорил:

- Неужели Юаньбао сегодня и правда был слишком безрассуден и накликал беду? Доставил вам неудобства?

Сяо Синхань накрыл его руку своей ладонью:

- Нет, но ты действительно был неосторожен. У противника было много людей, а если бы ты не смог вырваться? Что, если бы ты поранился? Если у тебя есть какие-то дела, можешь прямо сказать мне, не обязательно так рисковать.

Гу Яньлин притворился, что не понимает скрытого смысла его слов. Однако он уже давно жил с Сяо Синханем и знал, что того непросто обмануть. Сегодня он сам вытащил его из резиденции, внезапно спровоцировал ссору и наговорил тех слов - Сяо Синхань не мог этого не заметить. Но что с того? Он будет стоять на своем: он лишь вершил правосудие, а остальное - отрицать!

В конце концов, это и правда было вершением правосудия!

- Господин, почему вы еще не идете в главный зал? Префект, должно быть, уже заждался.

Сяо Синхань равнодушно ответил:

- Пусть ждет.

Гу Яньлин встал и сел на колени Сяо Синханю, снова начав хвастаться:

- Господин, вы такой могущественный! Я потому и осмелился пойти на провокацию, что знал - вы меня поддержите. Префект перед вами даже пикнуть боится, а его шурина и подавно ничего из себя не представляет. По-моему, в этом Янчжоу именно вы - главный, и пока вы рядом, я ничего не боюсь!

Сяо Синхань, слушая его болтовню, лишь промолчал: - ...

Гу Яньлин был в восторге, на душе у него было невероятно легко. Он сблизился с Сяо Синханем именно ради этого дня. Как только Чан Фэн найдет доказательства, дни продажного чиновника будут сочтены. Все его старания были не напрасны. Сейчас, обнимая Сяо Синханя, он чувствовал невыразимую радость и, не скрывая восторга, принялся целовать его снова и снова.

Продержав Лю Цинсуна в ожидании целый час, Сяо Синхань наконец поднялся и направился в главный зал во внешнем дворе. Гу Яньлин, разумеется, последовал за ним, чтобы посмотреть представление.

Лю Цинсун оказался куда более выдержанным, чем Ху Цзявэй. Сидя на гостевом месте, он, как бы ни тревожился, сохранял достоинство и вид префекта. А вот Ху Цзявэй вскочил с места и начал ходить взад-вперед:

- Зять, по-моему, он специально заставляет нас ждать! Сколько времени прошло, а он все не идет!

- Сядь. Раз велели ждать - жди, - отрезал Лю Цинсун.

Если бы они не находились на чужой территории, Лю Цинсун с радостью отвесил бы Ху Цзявэю пару пинков за то, что тот не знает меры и навлекает беду на тех, кого трогать категорически нельзя.

Когда Ху Цзявэй окончательно потерял терпение и был готов сорваться с места от невыносимого ожидания, Сяо Синхань наконец появился. Он медленно вошел в зал, и Лю Цинсун вместе с Ху Цзявэем тут же поспешно поднялись ему навстречу, склонившись в глубоком поклоне.

Лю Цинсун, стараясь придать лицу максимально примирительное выражение, улыбнулся:

- Господин, сегодняшнее прискорбное происшествие - целиком и полностью вина моего шурина. Я специально привел его сюда, чтобы он мог лично принести вам свои глубочайшие извинения. Прошу вас, проявите свое великодушие и простите его досадные ошибки.

Сяо Синхань ничего не ответил, сохраняя ледяное молчание, и прошел к главному креслу. Маленький евнух поспешно подал чай, а Ли Юфу, почтительно склонившись, аккуратно налил

напиток в чашку.

Гу Яньлин тем временем нашел себе удобное местечко в стороне, чтобы с интересом наблюдать за разворачивающимся представлением.

Сяо Синхань медленно отпил чаю и лишь после этого спокойно, почти равнодушно произнес:

- Шурин господина Лю и впрямь очень грозен.

Гу Яньлин, не спеша, решил добавить от себя:

- О, не то слово! Всего лишь случайно пролил немного вина, а он уже кричал на всю улицу, что убьет меня и с живого кожу сдерет. Еще он настойчиво пытался дать мне понять, что на голову Тай-сую наступать не стоит.

Ху Цзявэй, завидев этого «Маленького черного вьюна», заскрежетал зубами от жгучей ненависти – всё из-за этого наглого мальчишки! Не выдержав, он в ярости выругался:

- Ты что за тварь такая?! Господин ведет беседу, разве тебе давали право вступать в разговор?

Гу Яньлин, не раздумывая, швырнул в него чашку с остатками напитка. Ху Цзявэй не успел вовремя увернуться и был с ног до головы облит горячим чаем. Он хотел было взорваться от ярости и броситься на обидчика, но его вовремя удержал Лю Цинсун, гневно отчитав:

- Я привел тебя сюда, чтобы ты извинялся! Быстро проси прощения у этого юного господина!

Лю Цинсун, дослужившийся до высокого поста префекта Янчжоу, прекрасно умел читать ситуацию и анализировать обстановку. Этот невзрачный юноша вошел в зал, без тени смущения сразу сел, слуги тут же подали ему чай, и вел он себя крайне вызывающе, однако господин в главном кресле не выказал ни малейшего недовольства. Это однозначно означало, что отношения между ними были совсем не простыми.

Гу Яньлин с наслаждением смотрел на Ху Цзявэя, который был вынужден сдерживать свой гнев, и думал о том, что иметь за спиной такую мощную поддержку – это просто прекрасно.

- Не стоит, – с наигранным смирением произнес он. – У шурина господина префекта такой взгляд, будто он готов меня заживо проглотить, разве я посмею принять его извинения в такой обстановке?

- Кстати, он еще позволил себе сказать, что наш господин - «белолицый мальчишка». Наш господин всего лишь немного красив, а этот грубиян осмелился на такие оскорбления, ай! - Гу Яньлин, при упоминании об этом, прикрыл рот рукавом, сдерживая смех.

Лю Цинсуна от ярости, которую он испытывал к своему шурина, чуть не хватил удар. Склонившись в глубоком, почтительном поклоне, он забормотал:

- ...Мой шурина наговорил глупостей, господин, умоляю, не принимайте эти слова близко к сердцу. Быстро, живо кланяйся в ноги и проси прощения!

Ху Цзявэй, осознав всю серьезность своего положения, поспешно опустился на колени:

- Сегодняшнее происшествие - целиком моя вина, я, невежда, не узнал важную персону. Господин, молю, помилуйте!

Гу Яньлин, прищурившись, заметил:

- Кланяешься нашему господину, а мне почему не кланяешься? - сказав это, он встал и подошел к Сяо Синханю:

- Господин, похоже, он вовсе не искренне раскаивается, а просто испугался, что связался не с тем человеком, с кем следовало.

Лю Цинсун, не теряя времени, поспешно пнул Ху Цзявэя, и тот, задыхаясь от унижения, поклонился до самой земли перед Гу Яньлином:

- Я понял свою ошибку!

- Раз он всё понял, прошу господина дать ему шанс исправиться, - добавил Лю Цинсун. - Я вернусь домой и как следует его проучу. Это будет лишь малой частью моей признательности за вашу милость.

После этих слов Лю Цинсун приказал слугам внести в зал тяжелый сундук. Сяо Синхань еще не успел открыть рот, чтобы что-то ответить, как Гу Яньлин подбежал к сундуку, наклонился и с энтузиазмом открыл крышку, воскликнув:

- Господин, посмотрите, префект совсем не поскупился, прислал целый сундук золотых слитков! - сказав это, Гу Яньлин с громким стуком захлопнул крышку:

- Раз это подарок в знак извинения, тогда я с радостью его приму.

Раз он принял этот дар, значит, принял его и Сяо Синхань. Лю Цинсун наконец облегченно выдохнул – он до последнего боялся, что тот откажется от подношения. Как бы человек ни притворялся честным и неподкупным, в конечном итоге все они одинаковы.

Сяо Синхань заметил, как Гу Яньлин лукаво подмигнул ему, и, поняв его тайные мысли, произнес:

- Вставай.

Лю Цинсун поспешно настоятельно призвал:

- Быстрее поблагодари господина за милость!

Ху Цзявэй снова поклонился в знак глубокой благодарности.

Сяо Синхань добавил холодным тоном:

- Господину Лю в будущем стоит внимательнее следить за своим шурином.

Лю Цинсун поспешно заверил:

- Вернувшись домой, я обязательно как следует его проучу.

Добившись того, что Гу Яньлин полностью выпустил пар и удовлетворил свое любопытство, Сяо Синхань не стал больше тратить на них драгоценное время и выпроводил гостей.

Выйдя из резиденции, Ху Цзявэй в ярости воскликнул:

- А я-то наивно думал, какой он неподкупный! Зять, ты его трижды приглашал, а он нос воротил, а в итоге оказался обычным жадным до денег типом!

Лю Цинсун тоже с трудом сдерживал гнев. Чтобы успокоить этого человека, ему пришлось отдать такой огромный сундук золота:

- Дурак, всё из-за тебя одного!

Ху Цзявэй возразил:

- По-моему, он всё это специально подстроил, чтобы вытрясти из нас деньги. Зять, не переживай, золото ушло, но его можно заработать снова. Это золото мы быстро вернем.

Лю Цинсуну тоже было невыносимо жаль золота, но он сохранял осторожность:

- В ближайшее время веди себя тише и не привлекай внимания.

Ху Цзявэй на словах с этим согласился.

-

Гу Яньлин снова с любопытством открыл сундук:

- Господин, префект так щедр, неужели у него такое огромное жалованье? Вы ведь занимаете должность выше, значит, и ваше жалованье должно быть больше?

Кто бы не понял тонкого намека в его словах.

Сяо Синхань подошел к сундуку и посмотрел на полные золотых слитков недра. Он взял один из них - слиток был тяжелым. Лицо его оставалось непроницаемым, как маска:

- Похоже, в Янчжоу и впрямь много «жирных» мест.

Гу Яньлин, с улыбкой, бросил Ли Юфу слиток золота:

- Юфу, это тебе награда.

Ли Юфу, вздрогнув, поспешно принял его обеими руками:

- Ой, ваш слуга не смеет брать такие дары!

Гу Яньлин подумал про себя: этот продажный чиновник вымогал и присваивал столько серебра у богатых купцов Янчжоу, что в одном только его доме скопилось целое состояние. К тому же, если не заставить его раскошелиться сейчас, как он потеряет бдительность и не продолжит тайком творить свои преступные дела?

- Что значит «не смеешь»? Раз дали - значит, теперь это наше.

Ли Юфу в замешательстве посмотрел на Сяо Синханя.

Сяо Синхань, не говоря ни слова, тоже бросил ему слиток. Ли Юфу, окончательно смущенный, принял его:

- Ваш слуга благодарит господина и господина Юаньбао за щедрую награду.

Гу Яньлин с надеждой посмотрел на Сяо Синханя:

- Господин, а остальное можно мне?

Сяо Синхань ответил:

- Если хочешь - забирай.

Гу Яньлин хихикнул:

- Я просто так сказал, мне на самом деле не нужно. Господин, когда вернетесь в столицу, поднесите это Его Величеству, пусть золото пойдет в государственную казну.

Сяо Синхань был искренне удивлен:

- У тебя появились такие благородные помыслы?

Гу Яньлин с воодушевлением ответил:

- Я забочусь о вас, господин! Если вы поднесете этот сундук золота Его Величеству, он наверняка решит, что вы - исключительно честный и бескорыстный чиновник, и будет ценить вас еще больше. Вы получите повышение и разбогатеете, а я, следуя за вами, тоже буду жить в достатке!

Сяо Синхань хмыкнул, но ничего не ответил, лишь задумчиво посмотрел вдаль, погружившись в свои мысли.